

INTEMPERATA NITES: К ИСТОЛКОВАНИЮ ОДЫ ГОРАЦИЯ I, 5

Ода, обращенная к очаровательнице Пирре (I. 5), — одно из наиболее прославленных стихотворений Горация. Уже в XVII в. тонкий комментатор и переводчик Горация Дасье — the admirable Dacier, по выражению столь же проникновенного исследователя Горация, недавно скончавшегося Эдуарда Френкеля, — дает ей восторженную оценку, не находя во всем лирическом наследии Горация стихотворения, которое превосходило бы эту оду законченностью художественной формы. Об ее широкой популярности красноречиво свидетельствует вышедшая в Англии в 1959 г. книга¹, где содержится 144 перевода этой оды на двадцать пять языков, что составляет лишь часть собранного автором книги материала насчитывающего 451 перевод.

Несмотря на существование столь солидной традиции переводов и интерпретаций, мы находим в общепринятом понимании основного смысла этой оды существенный пункт, вызывающий сомнения и оправдывающий новую попытку ее непредвзятого истолкования.

---

¹ R. S t o r r s, *Ad Pyrrham. A Polyglot Collection of Translations of Horace's Ode to Pyrrha*, Oxf., 1959, XXXVII + 255 стр.

Вот текст рассматриваемого стихотворения и перевод Семенова-Тян-Шанского, цитируемый в предисловии М. Л. Гаспарова².

Quis multa gracilis te puer in rosa
Perfusus liquidis urget odoribus
Grato, Pyrrha, sub antro?
Cui flavam religas comam,

Simplex munditiis? Ne quotiens fidem
Mutatosque deos flebit et aspera
Nigris aequora ventis
Emirabitur insolens,

Qui nunc te fruitur credulus aurea,
Qui semper vacuam, semper amabilem
Sperat, nescius aerae
Fallacis. Miseri quibus

Intemptata nites; me tabula sacer
Votiva paries indicat uvida
Suspendisse potenti
Vestimenta maris deo.

Кто тот юноша был, Пирра, признайся мне,
Что тебя обнимал в гроте приветливом
Весь в цветах, в ароматах,
Для кого завязала ты

Кудри в узел простой? Ах, сколько раз потом
Он измены судьбы будет оплакивать
И дивиться жестоким
Бурям моря страстей твоих,

Он, кто полон тобой, кто так надеется
Вечно видеть тебя верной и любящей,
И не ведает ветра
Перемен. О несчастные,

Все, пред кем ты блистешь светом обманчивым!
Про меня же гласит надпись обетная,
Что мной влажные ризы
Богу моря уж отданы.

В передаче слов *miseri quibus, intemptata nites* — «о несчастные, все, пред кем ты блистешь светом обманчивым» — переводчик следует традиционному пониманию этого места, восходящему к античным школьным комментариям. Вот примечание к рассматриваемым словам, дошедшее до нас под именем [грамматика III в. н. э., Помпония Порфириона: «Несчастливыми Гораций называет тех, кому неизвестно и кем не испытано коварство этой куртизанки (*meretricis*); о себе же он говорит, что, освободившись от ее любви, он принес благодарственное посвящение божеству, как это делают те, которые спаслись от опасностей мореплавания»³.

Хотя эта интерпретация явно проникнута плоским школьным морализированием, гуждям горацianaнской лирике, она была без изменений воспринята позднейшими комментаторами и переводчиками и до настоящего времени не встретила возражений,

² Квинт Гораций Флакк, Оды, эподы, сатиры, послания. Перевод с латинского, М., 1970, стр. 18.

³ Pomponii Porphyrii commentarii in Q. Horatium Flaccum. Rec. Gulielmus Meyer, Lipsiae, 1874.

Более того, комментаторы пытаются подкрепить ее собственными парафразами и языковыми примечаниями. «*Intemptata* равнозначно *pondum spectata satisque cognita*: комментарий Орелли — Байтера 1850 г. «*Intemptata* = *inexperta*» находим мы и в изданиях Кислинга 1890 г. (с добавлением неубедительных параллелей А. Р. 285 и *Epist.* I, 18, 86, долженствующих подтвердить возможность такого словоупотребления) и Кислинга — Гейнце 1958 г. Итог этому ряду повторяющих друг друга объяснений подводит статья *intemptatus* в соответствующем выпуске *Thesaurus linguae latinae*, вышедшем в свет в 1964 г. Здесь среди сорока примеров, иллюстрирующих употребление слова *intemptatus* в латинской литературе, начиная с эпохи Вергилия и Горация, у которых оно впервые появляется, до VI в. н. э., рассматриваемое нами место выделено в особую рубрику, где для *intemptatus* принимается значение *inexpertus* (в страдательном смысле): *de puella, quam amatores infidelem pondum experti sunt*. Таким образом, возможность этого значения остается не подкрепленной ни единой параллелью.

Но если даже мы допустим эту жестокую катахрезу для нашего текста [как *haxax legomenon*, к чему это приводит нас в понимании стихотворения в целом? Только к той идейной скудости, которая заключена в цитированном толковании Порфириона: Гораций жалеет тех несчастных, кто, как этот стройный юноша, находящийся с Пиррой в уединении среди роз и благовоний, попал в сети коварной прельстительницы. Сам же Гораций счастливо избежал ее козней и приносит по этому поводу благодарственную жертву.

Иным лирико-этическим содержанием наполняется эта ода, если в ее истолковании исходить не из натянутого и по меньшей мере сомнительного равенства *intemptatus* = *inexpertus*, а из обычного, прямого значения слова *intemptatus*, значения, которое представляет некоторую трудность для точной русской передачи, но становится вполне ясным, если учесть, что это слово образовано из отрицательной частицы *in-* и страдательного причастия от глагола *temptare*, близкого по значению старорусскому «сягать». *Intemptatus* можно условно передать как «внесосыгаемый», но без 'оттенка' долженствования или возможности, т. е. в простом значении страдательного причастия с отрицанием. Как ни представлять себе детали изображенного в оде свидания, которые Гораций намечает лишь глаголом весьма широкого значения *urget*, собств. «теснит», было бы крайне неуместно охарактеризовать отношения между Пиррой и ее возлюбленным словом *intemptata*.

Итак, Гораций жалеет не того и не тех, кому предстоит горькое разочарование в постоянстве Пирры, — да и чем хуже их участь участи самого Горация, который уже испытал это любовное огорчение? — а тех, для кого Пирра тщетно блистает, т. е. кто остался равнодушен к ее блеску. Сам же Гораций не был в числе этих *miseri* — не столько «несчастных», сколько «жалких» — и именно за это, а не за то, что он, по выражению Порфириона, «освободился от ее любви», *amore huius liberatus est*, он благодарит божество, властвующее над морем, *Venus marina*.

Предлагаемая интерпретация влечет за собой, по сравнению с традиционной, новое понимание внутренней структуры стихотворения. Оно четко расчленяется на две части. Первая, по преимуществу лирическая, — картина радостей и горестей любви — заканчивается словами *nescius auae fallacis* в середине 12 стиха. С ними резко контрастируют слова *miseri quibus intemptata nites*, которые не могут поэтому рассматриваться как заключение этой лирической части: они вводят вторую часть — философское осмысление любовной темы. Отсюда — большая эмфатическая пауза перед этими словами, несущая присоединительно-противительную связь, в которой находятся между собой первая и вторая части: «И все же достойны сожаления те, кто прошел равнодушно мимо твоего блеска».

Здесь надо остановиться на двух моментах — прежде всего на самом наличии такой многозначительной паузы, которая делит гликоной на две части, противостоящие друг другу по смыслу, и далее, на асиндетическом выражении связи между этими частями.

Показательным примером использования двуфразовой структуры логоэдических

Vel sole puro; non tamen inritum
 Quodcumque retro est efficiet neque
 Diffinget infectumque reddet
 Quod fugiens semel hora vexit —

Лишь тот владеет волей свободною
 И безмятежен, кто говорит себе:
 Сей день я прожил! Завтра тучей
 Пусть занимает Юпитер небо.

Иль ясным солнцем, — все же не властен он,
 Что раз свершилось, то повернуть назад,
 Что время быстрое умчало,
 То отменить и небывшим сделать.

(Перевод Н. Гинзбурга, с поправками)

Будь благодарен судьбе за посланные ею блага и не сокрушайся чрезмерно их утратой: *habere eripitur, habuisse nunquam*. Этот завет, почерпнутый Горацием — как позднее Сенекой (*Epist.* 98, 11) — в этических учениях греческих мудрецов, получил прекрасное художественное выражение и в оде, обращенной к Пирре.

Я. М. Боровский

*INTEMPTATA NITES: AN INTERPRETATION
 OF HORACE, ODES, I 5*

Ya. M. Borovsky

The author rejects the traditional moralistic interpretation of Horace's famous ode to Pyrrha, an interpretation which goes back to ancient school commentaries and which is not confirmed by a single parallel in the use of the word *intemptata*. In the author's opinion in this ode Horace pities, not him or those who have yet to suffer the bitter disappointment of Pyrrha's inconstancy, but rather those for whom Pyrrha shines in vain, who are indifferent to her lustre. The author offers a new interpretation of the poem's internal structure, relating it to the general tenor of Horatian wisdom about life: be thankful for every good that comes your way, and don't make a fuss when it's over.